

К 85-летию со дня рождения С.В. Тютюкина

С.В. Тютюкин и журнал «Отечественная история»

Игорь Христофоров

S.V. Tiutiukin and the journal «Otechestvennaia istoriia»

Igor Khristoforov

(Princeton University, USA;

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012195-5

Я познакомился со Станиславом Васильевичем Тютюкиным летом 1999 г. Шёл третий год моей аспирантуры, надо было думать о публикациях, и, подготовив первую свою «настоящую» статью, я, по совету своего учителя Ларисы Георгиевны Захаровой, отнёс её в журнал «Отечественная история». Не могу сказать, что я разбирался в неформальных научных статусах и иерархиях или в особенностях производства и публикации академических текстов, в том числе в процедурах рецензирования и редактирования. Снимая с библиотечной полки научный журнал, я интересовался его содержанием, а не составом редколлегии или редакции. Поинтересоваться, конечно, стоило. Отделом Новой истории в «Отечественной истории» тогда заведовал нынешний директор ИРИ РАН Ю.А. Петров, Новейшей — будущий главный редактор «Историка и Художника» и «Российской истории» С.С. Секиринский; кроме них, в составе редколлегии были долгие годы занимавшиеся «моей» тематикой В.Я. Гросул, П.Н. Зырянов, А.П. Корелин и М.А. Рахматуллин.

Через пару месяцев Ю.А. Петров пригласил меня зайти в редакцию и сочувственно познакомил с отзывами на статью всех перечисленных авторитетных учёных. Отзывы были, скажем так, сдержанными. Чтобы учесть все пожелания, мне придётся написать совершенно новый текст, в котором не останется ничего моего, предсказуемо подумал я. Пообещав Юрию Александровичу сделать всё возможное, я в расстроенных чувствах отправился домой. Я не знал, что мне следовало не переживать, а радоваться: статья прошла обсуждение на заседании редколлегии, отзывы были в общем положительными, и оставалось «лишь учесть замечания». Правда, сделать это по неимению опыта оказалось совсем непросто, ведь рецензенты вроде бы предлагали мне двигаться сразу в нескольких направлениях. Тем не менее я как-то доделал текст, а когда перезвонил в редакцию, трубку неожиданно взял Станислав Васильевич. Как потом оказалось, главный редактор решил не ожидать возвращения из отпуска Ю.А. Петрова и взять на себя подготовку моей статьи к печати. Через несколько дней он передал мне испещренную правкой рукопись. Во многих местах страницы были разрезаны и аккуратно подклеены, чтобы переставить абзацы местами. Где требовалось, Станислав Васильевич предлагал свой вариант текста на обороте или на вложенных листах. Иногда его предложения не устраивали его самого и он правил уже их, в том числе восстанавливая вычеркнутые было куски моего текста. Каким-то образом ни общее направление мысли,

ни многочисленные частности при этом не терялись, а, напротив, обретали смысл и стройность. Так я впервые увидел легендарное редактирование С.В. Тютюкина. Он работал с текстом сразу на нескольких уровнях: замысла (как бы ограняя его), нарратива (убирая ненужные подробности и соединяя напрямую разрозненные точки), стиля и синтаксиса. Ни в нашей, ни в зарубежной практике я никогда больше не встречал такого стиля редактирования.

Тогда я, конечно, не мог по достоинству оценить ни его редакторского дара, ни того факта, что руководитель крупного академического журнала потратил массу времени на правку первой статьи никому не известного аспиранта. Не осознал я и мудрости своего научного руководителя. Ведь, посоветовав обратиться в «Отечественную историю», Лариса Георгиевна не только дала мне шанс получить первый (и самый благоприятный из возможных) опыт работы со своими собственными текстами. Через год один из моих рецензентов А.П. Корелин выступал на защите моей кандидатской диссертации, а спустя ещё некоторое время я получил приглашение Станислава Васильевича поработать редактором отдела историографии и источниковедения «Отечественной истории».

Работа под его руководством продолжалась вплоть до его ухода с поста главного редактора в 2007 г. Но и после этого мы еженедельно встречались в Институте российской истории на заседаниях центра истории России в XIX в., где оба работали, часто гуляли по Коломенскому и Профсоюзной улице, обсуждая академические и личные дела. Начиная с 2013 г., когда я стал главным редактором теперь уже «Российской истории», Станислав Васильевич неизменно помогал мне советом, а порой и прямым участием в решении редакционных проблем. Но эта заметка будет посвящена не всему 20-летнему периоду нашего знакомства, а 2000—2007 гг.

«Отечественная история», как и многие другие академические журналы, имела тогда довольно неопределённый формальный статус. Издание было *de facto* аффилировано с одним из академических институтов, располагалось на территории ИРИ РАН, работало по тем же присутственным дням и многими воспринималось как подразделение института. Однако сотрудники *редакции* журнала числились постоянными сотрудниками издательства «Наука» и не подчинялись ни институту, ни Отделению историко-филологических наук РАН. Соответственно, институт не имел никакого отношения к изданию и распространению журнала. Членство в *редакционной коллегии* журнала считалось общественной нагрузкой. Главный редактор утверждался Отделением, возглавлял и редакцию, и редколлегию, но не числился в штатном расписании ни института, ни «Науки», работая, как и члены редколлегии, на общественных началах. Однако по традиции он избирался из числа сотрудников института. Эта сложная конфигурация создавала журналу немало проблем, но давала и некоторые преимущества. В частности, она позволяла ему проводить относительно независимую редакционную политику. Дирекция ИРИ РАН (в описываемое время институтом руководил А.Н. Сахаров), разумеется, располагала рычагами влияния на журнал, но не могла прямо руководить им.

Как и любая система сдержек и противовесов, наша хорошо работала только до тех пор, пока А.Н. Сахаров не начал её систематически разрушать. Но и до, и после начала этого процесса эрозии главный редактор находился в центре всей системы, отвечал не только за содержание и выпуск журнала, но и за то, чтобы журнал был не безликим периодическим сборником статей, а живой и развивающейся средой. Члены редколлегии, сотрудники редакции и

сотни авторов со всего мира, включая непосредственных коллег из института, должны были чувствовать, что они являются участниками общего дела. Сейчас, как и 20 лет назад, эта цель выглядит декларативной и невыполнимой. Тем удивительнее, что Станиславу Васильевичу удалось достичь её незаметно и без всяких деклараций. В своей повседневной деятельности он был тем, кто, как сказал бы современный политолог, выполняет важнейшую для любой системы роль «брокера», т.е. человека, который позволяет сторонам услышать друг друга и прийти к взаимоприемлемому решению. Думаю, он понимал, насколько важной частью его работы является общение. Вот как он сам это описывал: «Главной моей заботой все эти годы был журнал, которым я занимался буквально повседневно и с полной отдачей сил. Мне приходилось держать в голове уйму вещей, общаться лично и по телефону с сотнями людей, самому редактировать десятки статей, формировать каждый номер, проводить заседания редколлегии, разные совещания, читательские конференции и т.д., и т.п. И так день за днём, месяц за месяцем, год за годом»¹.

Несмотря на кажущуюся рутинность, это дело всегда оставалось для него живым и полным реального смысла. Как и редактирование, оно удавалось ему мастерски. Собственно, оба дара, конечно, лишь выявляли глубоко присущую ему толерантность и умение выслушать собеседника, видеть в нём равного себе. Станислав Васильевич хорошо осознавал, что, как всякий процесс, связанный с творчеством, руководство журналом не терпит ни формализации, ни жёсткого администрирования. Ему не приходилось в этом смысле сдерживать себя: директивный стиль был глубоко ему чужд. Так, будучи человеком абсолютно организованным (не помню ни одного случая, когда бы он не успел к сроку), он спокойно относился к некоторой неорганизованности в других. Он никогда не жалел времени и сил на то, чтобы выслушать собеседников, уточнить их точку зрения, обсудить все возможные варианты решения. Не скрою, мне порой внутренне хотелось в таких случаях поторопить его. Однако он, конечно, был прав: пространство общения важнее самих по себе решений, сколь бы очевидными они ни казались.

Неудивительно, что Станислав Васильевич самым скрупулёзным образом относился к стандартным и даже ритуальным для журнала формам повседневной работы: беседам с автором или, как вариант, трёхсторонним встречам автора, редактора отдела и главного редактора; редакционным совещаниям и, конечно, заседаниям редколлегии. Мне памятливы многие редколлегии начала 2000-х гг., длившиеся порой довольно долго. Каждая из обсуждаемых статей (иногда даже рецензий) заранее раздавалась нескольким членам редколлегии, которые произносили неспешные речи, зачастую полные разнообразных отступлений и интересных воспоминаний. Редколлегия была небольшой, и заседания её напоминали скорее научный семинар или клуб учёных, чем властную инстанцию. В конце каждого раунда главный редактор под протокольную запись резюмировал услышанные мнения. Конечно, в принятии резолюций его личная роль как главы редколлегии, модератора и резюмирующей инстанции была велика. Но не помню ни одного случая некорректного использования им своих полномочий.

К сожалению, помню, как всё более безапелляционными становились суждения директора ИРИ РАН Сахарова (как одного из членов редколлегии, который был для многих присутствовавших ещё и прямым начальником).

¹ Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Российская история». М., 2005. С. 16.

Поскольку процедурно принимать окончательных решений он не мог, директор начал утрачивать интерес и к заседаниям редколлегии, и к журналу в целом. Ни для кого в институте не являлось секретом, что растущее давление директора постепенно привело к отчуждению между ним и редакцией, так что если не идиллические, то вполне рабочие поначалу отношения сменились конфронтацией. Сейчас мне кажется, что, учитывая принципиальность Станислава Васильевича и административный стиль Сахарова, который с течением времени становился попросту самодурским, конфликт был неизбежен. Вместе с тем почти все мы привыкли воспринимать его как что-то внешнее, неприятное, но не мешающее повседневной работе журнала. Главный редактор стоически относился к многочисленным «сигналам», посылавшимся с начальственной стороны институтского здания. Топографически редакция находится от административных кабинетов на противоположном конце здания, и это окраинное положение способствовало тому, что она стала в начале 2000-х гг. (возможно, это произошло раньше) центром притяжения для коллег из «дружественных» центров института.

Авторы, приходившие на улицу Дмитрия Ульянова с текстом или идеей публикации, моментально погружались в эту насыщенную и гостеприимную атмосферу, где общение и принятие решений плавно дополняли друг друга. Никаких предварительных договорённостей не требовалось. Станислав Васильевич своей открытостью во многом создавал это неформальное и абсолютно демократическое пространство и жил им. Я часто потом думал, что было бы любопытно, используя компьютерное моделирование, представить круг его общения и траекторию передвижений, остановок и бесед в «нашей» части институтского здания (включая телефонные разговоры с многочисленными иностранными авторами) в обычный присутственный день.

За прошедшие с тех пор полтора десятилетия стандарты общения, как известно, сильно изменились. Подавляющее большинство академических журналов мира издаётся сейчас дистанционно, так что авторы, главные редакторы и члены редколлегии, научные и литературные редакторы почти никогда не видят и не слышат друг друга. Такова реальность. Но после школы «Отечественной истории» воспринимать её как норму для меня совсем не просто. У этой новой реальности есть ещё один важный аспект. Анонимность стала формальным требованием к академическому рецензированию (не только в журналах) и вообще к оценке качества научной работы. Подразумевается, что она обеспечивает необходимую для оценок объективность и исключает клановость и корпоративизм. Здесь не место спорить о том, насколько деперсонализация и алгоритмизация решают эти важные задачи (на мой взгляд, решают плохо). Я лишь хотел бы сказать, что реальная открытость «Отечественной истории» гораздо лучше формальных стандартов обеспечивала объективность её редакционной политики. В отличие от них, она не поддавалась симуляции. Конечно, мы работали тогда в условиях свободы от наукометрических безумств последнего десятилетия — ещё одного аспекта новой академической реальности. Думаю, однако, что Станислав Васильевич не уступил бы и этой разновидности бюрократического регламента.

Свою роль в том, что я воспринимаю сейчас время работы под началом Станислава Васильевича как один из самых важных этапов моей профессиональной жизни, сыграл блистательный состав тогдашней редакции журнала. Каждый из редакторов был яркой личностью и крупным учёным. При этом мои

старшие коллеги — М.А. Рахматуллин, С.С. Секиринский и Ю.А. Петров, — представляя разные научные школы и поколения, редко сходились друг с другом в своих симпатиях и антипатиях. Все они пришли в журнал задолго до избрания Станислава Васильевича главным редактором, ещё в те времена, когда «История СССР» была номенклатурным изданием, размещавшимся на Кузнецком мосту. Работать и общаться с ними было очень интересно, при этом главный редактор и здесь выступал в роли первого среди равных. Если же вспомнить не менее важных для журнала сотрудников — Ю.В. Мочалову, М.А. Новикову, Р.В. Костину, И.Н. Шамину и многих других, станет ясно, что редакция была сложным коллективом людей, от каждого из которых зависело общее дело — подготовить и выпустить шесть качественных номеров в год. Успех этого дела определялся не единомыслием, а, напротив, разнообразием характеров и взглядов. Авторитет Станислава Васильевича в редакции был непререкаем именно потому, что он не испытывал от этого разнообразия и разномыслия ровно никакого дискомфорта, стремился не искоренить или даже затушевать его, а, наоборот, культивировать.

Думаю, именно поэтому он сознательно ориентировался и на привлечение в число руководителей отделов молодых недавно защитившихся историков. Автор этих строк пришёл в журнал в 2000 г., А.В. Мамонов и Л.В. Мельникова — в 2003 г., П.С. Стефанович — в 2006 г. Конечно, этот путь начала академической карьеры был типичен и для советского времени. Но в 2000-х гг. академический журнал, объективно говоря, не мог считаться особенно привлекательным местом трудоустройства. Зарплаты стали низкими, а редактирование чужих текстов — непростое дело. Мы охотно шли в «Отечественную историю», потому что твёрдо знали: работа не будет рутинной и многому нас научит.

Чему работа со Станиславом Васильевичем научила меня? На самом поверхностном уровне — читать и работать с текстами (особенно своими, что обычно сложнее всего). Он никогда не выступал в роли педантичного редактора-перфекциониста и очень хорошо понимал, что безупречных текстов не бывает. Думаю, его знаменитое «чтение с ручкой» было одним из проявлений свойственных ему профессионализма и самодисциплины: он трудился даже тогда, когда от этого, на внешний взгляд, ничего не зависело. Когда я пришёл в журнал, мои редакторские навыки, естественно, были нулевыми. Главному редактору приходилось за мной всё переделывать; в этом заключался важный процесс учёбы (делал он это с присущим ему абсолютным тактом). Но и спустя немало лет он возвращал отредактированные мной статьи с множеством поправок. Не сразу, но становилось понятно: когда исправлений много, мне нужно вспомнить, по какой причине я в тот или иной момент схалтурил. И когда литературный редактор издательства, публиковавшего мою книгу, вернула мне рукопись, где правки практически не было, я уже считал, что это вопиющее безобразие. Станислав Васильевич не оставил бы в тексте ни одного нетронутого абзаца. Позднее я узнал, что таким же был редакторский стиль Б.В. Ананьича в возрождённых им «Исторических записках». Не ограничиваясь «общим руководством», Борис Васильевич лично готовил к печати каждый текст.

Для редактора академических трудов научный смысл и потенциал важнее внешней гладкости. Проблема в том, что в гуманитарных науках оценка качества неизбежно субъективна. Ни так называемая новизна, ни количество архивных ссылок сами по себе ничего не говорят о значении рукописи. Отзывы двух анонимных экспертов также, в сущности, вещь случайная. До сих пор

считаю, что принятое в «Отечественной истории» коллегиальное обсуждение лучше, хотя в современных условиях его можно считать скорее редким и дорогостоящим исключением. Но какой бы ни была общая система, то, как она действует, всегда зависит от конкретных людей, их способности и желания «видеть текст» и работать, порой долгое время и с многократными раундами, с его автором.

Станислав Васильевич был непревзойдённым мастером такой работы. Но какое общее, стратегическое, как сейчас говорят, видение развития журнала и его миссии стояло за его деятельностью? В отличие от своего преемника на посту главного редактора, А.Н. Медушевского, он не претендовал на лавры теоретика исторической науки и тем более не любил выступать на страницах журнала с «установочными» методологическими текстами. Его принципиальная позиция заключалась в том, что читателей следует знакомить с исследованиями, написанными в рамках разных научных школ при условии их высокого качества, а также добросовестности и объективности авторов.

Придерживаться этой, на первый взгляд, самоочевидной позиции было далеко не просто. «Отечественная история» имела репутацию очень уважаемого, но при этом традиционного издания. Публикация в нём считалась престижной, и редакционный портфель всегда был полон, несмотря на то, что срок от получения статьи до её публикации мог измеряться многими месяцами. Очень большую часть портфеля составляли материалы из российских регионов и ближнего зарубежья. Тематика текстов, их качество и стиль были фантастически неоднородны. Мы получали биографические заметки на пять страниц и теоретические трактаты на пять печатных листов, причём и то, и другое могло иметь академическую форму и принадлежать перу историков со степенями и званиями.

Могу засвидетельствовать: столичным авторам не отдавалось никакого предпочтения. Подобно тому, как в редакции главному редактору было легко работать с людьми разных поколений и взглядов, он лишь приветствовал максимально широкую палитру подходов, региональных тем, сюжетов и жанров. Пристрастный читатель мог упрекнуть журнал в эклектичности и недостаточном ригоризме. Станислав Васильевич на подобные упреки всегда отвечал, что «Отечественная история» — зеркало российской исторической науки (разумеется, с исключением из научного поля политически ангажированных и академически недобросовестных работ). Конечно, эта метафора не имела гоголевского смысла; главный редактор считал, что роль журнала — быть форумом для самого широкого сообщества историков. Став же нишевым или цеховым изданием, он в погоне за модой эту свою объединяющую роль неизбежно бы утратил.

Возможно, позиция Станислава Васильевича не была лишена идеализма. Но в 2000-х гг. профессиональных общероссийских журналов насчитывалось немного и каждый из них по-своему находился в фокусе внимания тысяч специалистов. Объединяющая роль этих изданий казалась не фикцией или благим пожеланием, а реальностью.

Конечно, у журнала были проблемы, которые не мог бы решить ни один самый талантливый и добросовестный редактор. Одна из них — непрерывное с середины 1990-х гг. снижение тиража. Онлайн-версии тогда не существовало, и тираж отражал интерес к «Отечественной истории» со стороны обычных подписчиков (библиотеки в России и за рубежом выписывали более или менее

стабильное количество экземпляров). Надо сказать, что редакция не имела никакого представления об «экономике» издания: «Наука» не делилась с нами информацией по этому поводу. Тем не менее считалось, что указываемый издательством в конце номера тираж достоверно отражает реальность. Понятно, что после убогих цифр (в десятки тысяч экземпляров) конца 1980-х и начала 1990-х гг., которые не снились ни одному зарубежному гуманитарному академическому изданию, тиражи начала XXI в. выглядели гораздо скромнее (хотя были значительно выше нынешних). Этот процесс был неизбежным: профессиональная историография в это время по разным причинам теряла свой публичный статус.

Станислав Васильевич переживал этот процесс как личную проблему. В отличие от многих в то время, он считал, что общественная миссия нашей дисциплины не менее важна, чем профессионально-академическая. Он не переоценивал своих сил: речь всё же не шла о том, чтобы «Отечественную историю» читала широкая публика. Однако выйти за пределы цеха он считал не только возможным, но и необходимым. Так родилась их совместная с С.С. Секиринским идея «круглых столов»: широких и неформальных дискуссий, посвящённых резонансным книгам, подходам и проблемам. Немало усилий было потрачено и на привлечение в число авторов журнала представителей смежных дисциплин: экономистов, искусствоведов, филологов, а также учёных из дальнего зарубежья.

Вся эта кропотливая работа, насколько я могу судить, давала плоды: журнал читался и пользовался немалым авторитетом. В подходе Станислава Васильевича не было при этом ничего революционного. Не пытаясь радикально «переизобрести» издание с такой непростой «биографией», какая была у «Истории СССР», он выбрал иной путь: нащупать в прошлом журнала всё, что заслуживало сохранения, но придать традициям новое, свежее звучание. Этому подходу журнал следует и сейчас.